

книга, называемая

❧ ТЕТРАМЕРОН ❧

или приближение

к четверождению

Вечерняя трапеза того дня,
что предшествует дню первому,
где состав рассказчиков
прирастает на голову,
а одна история
распускается
надвое

Вечером 13 февраля 1991 года аспирант-словесник и по совместительству книжный жук Сергей Доржич приходит в терминальный класс ВМиК МГУ с потрёпанным томиком, завернутым в лист кальки. На кальке вздуваются оспины от подтаявшего снега. Вечером 13 февраля 1991 года в Москве идёт снег.

«Потрёпанным» томик на момент первой встречи Сергея с администратором Демьяном мы называем условно: истинно потрёпанным он становится через месяц, непосредственно перед пропажей. Сразу оговоримся, что в пропаже книги – вернее, того, что от книги осталось – нет ничего необычного, тем более мистического; интерес к книге не предполагает по умолчанию высоких моральных качеств. Кроме того, доступ к книге имеет, что называется, «неограниченный круг лиц», а по шкале сохрана она стремительно перемещается от «её ещё можно спасти» к «ещё немного – и спасти её будет поздно».

Возможно, какие-то элементы чудесного можно было бы углядеть в истории обретения книги – но нет, там тоже всё стандартно. После встречи нового 1991 года аспирант филфака МГУ Сергей Доржич ощущает потребность в деньгах. Специализация Сергея – символизм, конкретнее Серебряный век, ещё конкретнее Андрей Белый и Вячеслав Иванов (ударение на «а»). Жучий бизнес приносит свои деньги, привезённый из Казахстана Ермак Маркеса постепенно пустеет, но деньги от книг тратятся на книги же, таков закон. Поэтому Сергей устраивается ночным сторожем на кооперативную стоянку в районе Красных ворот; на метро без пересадки (живёт он, как и положено аспиранту, в Зоне Ж ГЗ, окно глядится в куст жасмина). Постепенно он знакомится с работой, а другие работяги (в основном филологи, но есть и математики, и даже один химик) знакомят его с перекрашенной бочкой из-под кваса, из не востребовавшего. Оплата за стоянку истекла ещё в прошлом году. Внутри – портвейн. Сперва сторожá убеждают друг друга, что просто отопьют немного, никто же не будет бочку взвешивать – да и как? Потом речь идёт о том, что можно отпить и долить водой. Но никто этого, конечно же, не делает. В смысле, не доливает.

«Это как-то связано с книгой?» – готовы спросить вы. Ещё бы. Ещё как связано.

Утром 10 февраля Сергей приезжает с субботней смены с трёхлитровой банкой, и на следующий день идёт пешком, тут недалеко

и под горку, в точку, умеренно равноудалённую и от Балатона и от ФДС – в пункт приёма вторичного сырья. «Ребята, я посмотрю журнальчики?» – спрашивает он и ставит банку на весы. Ну не на пол же её ставить, в самом деле.

Пахнет прелой ватой и мышами. Одна из стен сплошняком – от пола и до потолка – оклеена вырезанными из сотен газет и журналов кроссвордами. Те, что ближе к двери, глянцево отсвечивают: эти из Огонька, самые сложные.

Ребята переливают эликсир в пластиковую канистрочку, возвращают тару с поклоном, отходят, возвращаются: «Вот, Серый, тут книги ещё с утра принесли». Сергей кивает рассеянно, перебирает журналы. Юность. Химия и жизнь. Иностранка – да, но нет: кто-то уже прошёлся, всё интересное выдрано. Без особой надежды смотрит на книги: ну не Бурду же брать. Фрагменты ранних греческих философов, часть I – увеличенный формат, без обложки. Гейне на немецком, чернильная дарственная надпись, расплывшаяся, разобрать можно только: «цацки-пецки»; без обложки. Путешествия Юнгера по Африке, в дореформенной орфографии, непогашенный библиотечный штамп, без обложки. Книга, именуемая Тетрамерон, без обложки и без титула, с некоторыми утратами.

«Небогато сегодня», – замечает Сергей; ребята пожимают плечами. «Греков и итальянцев забрал», – говорит Сергей; ребята безро-

гой год, верно, и репа не уродилась, и хлеба потоптала саранча, и горох пожгло солнцем, и яблони заткал паутинник, и подобное случилось со всеми плодами земли во всех землях того дальнего королевства, о котором мы ведём речь, и всё случилось в точности так, как сказано было в проклятии. И только в море привольно плескалась рыба, и было рыбы в море столько, как в самой лучшей похлёбке, разве что похлёбка та оказалась солоната: когда выходило в море десять рыбаков, так возвращалось пятеро; выходило пятеро – возвращался один, выходил один – и не возвращался вовсе.

Тогда король той страны сам отправился к гадалкам и кобникам, и сказал им так:

– Я смеялся над вашими словами, и, вот, впору мне плакать; скажите же теперь, что мне делать и как поступить, чтобы отвести проклятие от моей страны и от моей земли.

И знающие и сновидцы ответили:

– Ты не хотел знать, когда знать тебе нужно было, а теперь стремишься знать то, чего знать тебе не следует.

Король же возразил им:

– Не может быть такого, чтобы незнание было лучше знания, так что скажите как есть, а дальше уж как Бог рассудит.

И шептуны те и окудники на это:

– Ну, ты сам решил. Знай же, что то, что творится на земле, то пройдёт само собою в назначенное время, и никто не может этого ни прекратить ни ускорить. А то, что творится

на море, то остановить можешь один только ты, и цена здесь велика.

– Пусть так, – сказал король, – но сколько там ни причитается к оплате, столько и числится за мной, ведь когда не можем мы брать на земле, так единственный наш путь взять у моря, и когда спрошено с нас за взятое, тут уж выгадывать не след. Какова цена, и кто же продавец?

– Продавец – Морской Зверь, – отвечали ему, – и это оттого стало так много рыбы, что это его царедворцы. А прочая простая рыба теперь просит у него заступничества от людей, и это он губит рыбаков. Цена же его милости – собственная твоя дочь. Наряди свою дочь, как наряжают невесту, и стяни путами и закуй цепями, и оставь на такой скале, что покрывается водой во время прилива, и увидишь, что будет, но лучше бы тебе такого не видеть.

– Воистину, лучше бы не знать мне того, что я теперь знаю, – так сказал король, и вернулся к себе, и не спал три ночи, и не ел три дня, и лежал как мёртвый или как умалишённый, и не мог никому поведать о том.

Тут рассказчик в маске позволил себе ненадолго прерваться, чтобы отдать должное вину и оказать уважение блюдам, что всю беседу простояли нетронутыми и начали уже покрываться застывшим жиром.

– Дочь есть самое ценное, и нельзя отдавать её в оплату, – заметила одна из дам, а другая возразила: – Так же и подданные коро-

ля есть не что иное, как его дети, и ими нельзя поступиться тоже, – и обе спросили: – Но как же он решил и что выбрал?

– Вызвали лекаря, – продолжил рассказчик, промокнув губы салфеткой, – и лекарь отворил королю кровь, и положил на лоб укусуный компресс, и стал толочь самые драгоценные порошки, а король приоткрыл ненадолго глаза и прошептал:

– Не трать попусту жемчуг и амбру и что там у тебя ещё так мерзостно пахнет, ведь это не поможет и от этого не будет мне лучше.

– Нет такого, чтобы от моих снадобий да не стало лучше, – возразил лекарь, и продолжал бренчать своим пестиком и бряцать своей ступкой, и знай лил благовонные масла и сыпал дорогие минералы, и от адского звона и гадких запахов король чуть окончательно не тронулся рассудком, и решил сознаться хоть лекарю, но только чтобы тот прекратил его донимать своею медициной и дал умереть спокойно. А лекарь знай себе долбил, да переспрашивал: – Как вы сказали, ваше величество? Мирской Змей? Извините, я за работой никак не разберу, что вы там шепчете.

И бедный король повторил раз, и другой, и на третий раз уже почти что кричал:

– Дочь мою, собственную мою единственную дочь связать путами и сковать цепями и оставить на потеху Морскому Зверю! Да разве могу я так поступить?

И при этих словах отворилась дверь и вошла собственная его единственная дочь, ко-

торая всё время стояла у входа и сама подговорила лекаря всё так устроить, чтобы узнать, что за мысли снедают отца, и пусть некоторые из вас могут попенять, будто действовала она из пустого любопытства, но, как вы сейчас узнаете, единственное, что вело её и что направляло – это чистая дочерняя преданность, ибо первое, что она сказала, войдя, было:

– Вам не понадобится ничего делать, отец, и я сама, сей же час отправлюсь на тот камень или скалу, о которой вы сказали, ибо так велит мой долг.

И она, хоть и останавливали её и упрасивали передумать, надела лучшее платье, что причиталось ей на свадьбу, и отправилась к сказанной скале, и стояла там и не сходила с места, даже когда волна поднялась ей под колени, и так же не отступила, когда явился морской зверь, будто весь сотканный из обломков раковин и морских камней, и с глазами с разных сторон. И зверь извернулся, и завертелся, и заблестел, как вертится и блестит вода в узком проходе меж валунов, и осмотрел её всеми глазами, и спросил её:

– Где пути твои, о дева, и где твои цепи?

А принцесса ответила так:

– Пути мои – верность, и цепи мои – почтение.

Зверь же извернулся ещё последний раз, и положил свой рог ей на лоно, и произнёс:

– Блаженны кроткие! – и, сказав так, превратился в прекрасного юношу, и спросил: – Будешь ли моею женою?

– Если того пожелает отец мой! – ответила принцесса, хоть юноша сей и показался ей с первого взгляда и милым и статным и во всём таким, каким должен быть её муж.

И они вместе пришли ко дворцу, где готовился уже поминальный пир, и заупокойное обернулось воздравным, и все чествовали молодых, а под конец пира бывший зверь возгласил:

– Позовите-ка всех землепашцев, и садоводов, и всех прочих, кто кормится от плодов земли, и пусть каждый принесёт с собою платок мне в дар!

Король же повторил его слова и повелел сделать так.

И нашлись среди простых людей такие, кто, хоть и жил в нужде, но отыскал у себя кусок ткани получше, раз того требует их король; но были и такие, кто прихватил с собою кусок рваной ветошки, рассудив, что строгого спроса с них не будет, а в хозяйстве хорошая вещь не лишняя.

Так выстроились они в цепь, а бывший зверь вместо того, чтобы забрать их подарки, подошёл к каждому, и пошептал каждому в тряпицу, и завязал на четыре узла, и сказал так:

– Придите в свою землю, и там развяжите узлы, и земля ваша да очистится дыханием моря!

И стало по сему: кто принёс от души и от сердца, тот избыл всю плодовую хворобу, и снимал по два урожая в год, а кто питал

свою жадность – у того морские слова утекли сквозь прорехи в тряпицах, и хозяйство их загнуло, и дома их разрушились, и допотопные их дети ходят по дорогам и дудят в пищалки да пляшут с медведями. А рыбу в том королевстве перестали ловить вовсе, но было это так давно, что, может быть, теперь уже и снова ловят.

Так закончил свою историю рассказчик в маске, и всем она до того понравилась, что никто не решался что-то ещё говорить, и лишь некоторые поглядывали на отца Глорио, который, хоть и надел маску вместе со всеми, но одежду не переменял, а оттого был будто бы без маски. Думали, что, может быть, он вставит пару слов о благоприятности послушания и обо всём прочем, но тот только и сказал:

– Хорошая история, – и всё на этом.

– Хорошая, да только было всё иначе! – произнёс вдруг кто-то, и все стали оглядываться и искать, кто бы это мог быть.

– Я тут! И скажу ещё, что нет ничего прискорбней, чем история хорошая, да неверно рассказанная. – Тогда только увидели, что говорит не один из них, а человек посторонний, точнее сказать повар, что заглянул в залу проверить, не пришло ли время перемены блюд, да так и простоял битый час у стены, не решаясь прервать рассказ.

Не описать, до чего все тут удивились, а мало того и рассердились, но тот, кто мог бы быть обижен по-настоящему, а именно на-

званный рассказчик, отозвался голосом мягким и добрым:

– Ну же, ты выслушал меня, а я готов выслушать тебя, если ты не возражаешь, и все мы готовы. Попросим, что ли? – и все, узнав, что забава не прерывается, поддержали:

– Просим! Просим!

– Возражаю, – ответил на это повар, – и у меня при себе мало что три возражения!

– Изволь, – сказал тут рассказчик голосом не в пример менее мягким и добрым, – предъяви нам их, да постарайся, чтобы было за ними хоть что-нибудь, на что можно опереться.

– Вот моё первое возражение, – начал повар: – Отец мой, как и я сам, служил поваром, и, поскольку был он лучшим в своём деле, то служил лучшему в стране, иначе сказать самому королю. Я же, хоть и знаю и умею многое, не могу назвать себя лучшим, пока жив мой отец, и каждый день прошу у Господа, чтобы так оно и оставалось, и чтобы каждое утро мне доводилось повторять: я – всего лишь второй, и пусть тот, кто научил меня всему, что я знаю, здравствует так долго, как только позволено человеку на этой земле. Понятно ли вам это?

– Понятно, да не очень; – отозвался рассказчик, – я вижу в твоих словах сыновье почтение, но не вижу пока, на что в них можно опереться.

– Что же, я скажу дальше, и тогда вы, возможно, поймёте, – продолжил повар, – но хорошо уже то, что пока вам понятна хоть

малость (при этих словах среди собравшихся в зале пронёсся ропот, но прерывать наглеца не стали, опасаясь испортить веселье).

– Итак, я второй в своём деле, но при этом готовлю так, что впору подавать на стол самому королю. И добрый мой господин Героним, что прямо сейчас смотрит на меня, неузнанный, сквозь прорези маски, щедро платит мне за то, в чём я мастак, а вовсе не за то, в чём столь поднаторели вы. Потому я и считаю, что тратить мне время на пустую болтовню всё равно, что обкрадывать хозяина, только быть вором я не желаю.

Стоило повару это произнести, как один из присутствующих снял маску и сказал так:

– Ты несносный человек, Сорци, но сносный повар, и это единственная причина, по которой тебе столь многое прощается. Послушай, что скажу!

– Да, господин Героним?

– Ты знаешь сам, что в этом доме достаточно еды и питья и разных припасов, и нам их хватит, даже если дождь продлится семь дней, а также если ещё три дня придётся ждать, покуда просохнут дороги и схлынет вода в реках.

– Это верно, хозяин.

– Чего ты не знаешь, и чего не знаю я и ни один из здесь присутствующих, так это того, хватит ли нам историй, чтобы рассказывать их друг другу трижды в день, как мы сговорились. Насытить брюхо бывает важно, но столь же важно насытить ум и сердце, а

порой и важнее. Так что подавай на стол, что там у тебя, пусть только оно не будет излишне пересолено, понимаешь?

– Понимаю, хозяин, и потому сразу перехожу ко второму своему возражению. История моя солонa, как солён бывает морской ветер, а я вижу перед собой и прекрасных дам, чью нежность не могут исказить даже выбранные ими маски, и господина в духовном звании, чего также ни одна маска не может затмить. Не окажусь ли я злодеем и отравителем, когда потщусь их потчевать столь непривычной для них грубой пищей?

– Сын мой, – отозвался отец Глорио, снимая маску (как было упомянуто, он мог бы этого и не делать), – сын мой! *Ex abundantia enim cordis os loquitur*. И при том ни одно слово само по себе не грязно, как не грязна сама по себе нагота. Вспомни, что есть нагота Адама и нагота Ноя, и задумайся, какая пропасть лежит между ними. Для того, кто взыскует Истины, её нагота не оскорбительна, а единственно желанна. Следуй за Истиной, устрями свою историю к ней одной, посвяти себя ей единственной, и тогда все слова, что встретятся тебе по пути, останутся девственно чисты.

– Что же, – с поклоном продолжил повар, – стрелы вашего красноречия погнали меня со вторых стен и принудили укрыться в последнем бастионе, но эта твердыня воистину несокрушима! Вот моё третье возражение: молчание – золото!

– Вот с чего стоило начинать! – откликнулся, снимая маску, господин в красном дублете, и все без удивления признали Мартина по прозвищу Три Корабля; буря прервала его путешествие по торговой надобности, а уж про золото и про то, как оно разбивает любые стены, он знал поболее прочих. – Неси сюда своё молчание, – позвал он, высыпая содержимое кошель на стол, – да подбери среди этого золота что сочтёшь справедливым, мера за меру!

Повар без лишних разговоров подошёл, повертел в пальцах одну монету, разглядывая, потом другую – будто впервые такие увидел – перебрал их все, отложил в сторону три, сказал, полувопросительно, но с большим почтением, чем прежде: – Эти три, если позволите.

– А не довольно ли будет двух? – уточнил на всякий случай Мартин, и получил такой ответ:

– Было бы довольно, да довольны ли будете вы? – и, пока корабельщик Мартин раздумывал, что на это возразить, и какой в этом смысл, повар Сорци приподнял первую монету вверх и начал свою историю:

– Пусть эта монета и затёрта, но тут можно разобрать и надпись, и портрет. Вот вам король Уршич Первый, по прозвищу Сребробородый, а второе его имя Разумный, – и все согласно закивали.

– Может, вам доводилось слышать, как сребробородый Уршич в бытность королём окру-

жил себя всякого рода пройдохами и шарлатанами, но известно также и то, что встречались у него при дворе люди поистине необыкновенных умений. Был среди них замечательный гонец по имени Зоар. На что похоже имя «Зоар»?

Этого никто не знал, и все только покачали головами, а двое или трое ответили:

– Ни на что не похоже!

– Так бывает, вот только пройдёт совсем немного времени, и вы не только признаете, на что похоже такое имя, но и удивитесь тому, как же вы не замечали этого раньше. Итак, Зоар умел то, что умеют немногие, зато многие верят, будто такого уметь и вовсе невозможно: он превращался в оленя и доставлял королевские послания и распоряжения в земли самые удалённые так быстро, как никто другой. Только однажды, доставив ответ из дальней провинции и дождавшись, когда король собственноручно снимет у него с шеи сумочку с письмом, он обратился в человека, и простёрся в пыли, и попросил:

– Ваше величество, умоляю, увольте меня из гонцов! Я два дня бежал от дальней границы...

– Верно, – сказал король, – а обыкновенному человеку на такое понадобилась бы неделя, и поэтому я никак не могу изъять тебя из списка гонцов, ведь некого мне вписать на твоё место!

– Ваше величество, выслушайте! За эти два дня меня дважды чуть не подстрелили охот-

ники, крестьяне хотели загнать меня в хлев и уж не знаю, что дальше сотворить, продать ли на ярмарке или пустить на колбасу; мальчишки кидали в меня камнями, собаки погнались за мной и укусили за ногу – вот, видите, здесь и здесь. Прошу вас, прошу, найдите мне место при дворе, за все мои заслуги и за всё, что мне пришлось претерпеть меж этими заслугами!

– Что же, – сказал, подумав, король, – ты заслужил награду, это правда, но отчего ты решил, будто при дворе ты будешь сохранней? Камни всегда камни, собаки везде собаки; от них хоть понимаешь, чего ждать. А что творится при дворе – о, знал бы ты! Помнишь моего старшего брата? Ведь королём-то должен был стать он, да только оступился на лестнице и сломал себе шею, вот незадача! И кабы он один! Но и чем, скажи на милость, ты мог бы заниматься здесь, кем ты хочешь стать, куда ты пойдёшь? – и гонец сам не знал, как на это ответить...

Тут повар вскинул руку со второй монетой, и сказал:

– И вдруг ему на помощь пришла Марта Смелая, она же Верная, представьте только её на двадцать лет моложе, когда она не была ещё королевой и не заслужила ещё своих красивых прозвищ, а во дворце слыла как «проныра».

– Папочка, миленький, – сказала принцесса Марта, – он пойдёт ко мне в пажи! Я буду на нём скакать!

– Что такое ты говоришь, доченька! – всполошился король, – Ты и сама не понимаешь, что говоришь!

– Хочу-хочу-хочу! – не отступала принцесса, – Мне нравится, какая у него мягкая шёрстка! – и, если вы знаете, каковы бывают королевские дочки, то знаете и то, что случилось дальше.

Сперва Зоар катал Марту по дворцу, но у него разъезжались копыта на камне, а подковать его было нельзя, и король, вспоминая несчастную судьбу своего брата, выгнал их в садик подле замка. Садик был невелик и подходил не для всех аллюров, и поэтому они, с дозволения папеньки, переместились в заповедный лесок чуть дальше, и уж там-то, вдали от чужих глаз, они резвились на зависть! Марта Смелая то натягивала уздечку, то отпускала, а то и вовсе разнуздывала своего пажу, и он снова обращался в человека, и такой он ей нравился даже больше – где надо мягкий и где надо твёрдый... Хм...

Тут повар сделал вид, будто только сейчас заметил третью монету:

– Ой, а тут-то у нас кто?

– Кто там, кто там? – склонили головы ближайшие дамы.

– Сказать по чести, – ответил повар, – я и не хотел рассказывать дальше, но чёртова монета будто сама запрыгнула мне в руку... бога ради, извините, святой отец... ну да чего уж теперь... Вот вам, раз так, Уршич Второй, по прозвищу Ленивый. Странно, согласитесь? Где

это видано, чтобы у короля было такое ругательное прозвание? Разве что, знаете, сделано так специально, чтобы скрыть прозвище ещё более обидное? Только что бы это такое могло быть? На что же похоже слово «лень»?

– Олень! – пискнула вдруг одна из дам, и тут же зажала рот ладошкой, и только кончики попуцовевших ушей могли подсказать, кто это произнёс; а Героним, чтобы сгладить неловкость, напустился на высунувшегося из кухни поварёнка:

– А ты что тут делаешь? Что ты такое говоришь? И не для твоих ушей это, ну, пошёл, пошёл, живо за работу! Да моли бога, чтобы я не вспомнил, как тебя зовут, и не приказал выпороть!

Дама облегчённо вздохнула, а повар подхватил уловку хозяина:

– Ну что за вздор несёт этот мальчишка! Разве же в имени «олень» есть хоть что-то обидное? Это создание благородное! Ну-ка, попробуйте сказать: «благородный медведь». Нет? Может, «благородный барсук»? Ох! Зато «благородный олень» – звучит как надо... Олень – самый завидный трофей, ничто с ним не сравнится, и охота на оленя лучшая из всех... кстати об охоте.

Случилось так, что король в компании нескольких герцогов отправился на охоту в заповедную рощу. За непринуждённой беседой они пропустили нужный поворот, и заехали в самую чащобу, и услышали зверя, какого никак не могли распознать.

И тогда они спешили, и прислушались, и переглянулись.

И первый герцог сказал:

– Это воет болотная выпь!

А второй возразил:

– Тут отродясь не было болот! Это суровый вепрь накопал сладких корешков и радуется так, как умеет. Вот удача! Приготовьте оружие, друзья, и давайте подкрадёмся и добудем его, пока он занят своим делом!

И, стараясь ступать потише, вышли они на прогалину среди кустов черники, и увидели зверя такого, какого увидеть никак не ожидали: у зверя было четыре ноги, как у многих зверей, но сверх того четыре руки, и, в довершение – две спины, и уж он и рычал и пел на два голоса, но вместе с тем на все восемь.

И герцоги, потрясённые увиденным, отвернулись, а король только и нашёлся что сказать:

– Кхе-кхе!

И сила слов короля была столь велика, что зверь распался надвое, и одна половина укрылась за кустами черники, а вторая преклонила колено и спросила:

– Как нынче охота, ваше величество?

– Охота, так сказать, на зависть, – отозвался король с таким видом, что Зоар (я сказал «Зоар»? не знаю, что на меня нашло!) что Зоар тут же прикрылся подвернувшимся лопухом, а разумный король, собравшись с мыслями, продолжил: – А что, Зоар, не слишком ли тесна тебе работа пажа?

– Узковато, ваше величество, но я не жалуясь, – ответил Зоар.

– Жалуйся смело, – подбодрил король, – и я из сострадания велю подтесать тебя на плахе, чтобы лишнее не торчало.

– Можно и так, – поклонился Зоар, – но можно и иначе.

– И каково же твоё «иначе»? – удивился король, а Зоар ответил:

– Можно подобрать должность пошире.

– Какую же?

– Я мог бы стать герцогом!

– Что за герцог без земли?

– А вы прикажите своим герцогам отдать им ненужное. Есть у них во владении болота? Так я забрал бы их себе.

– Не годится! – подал голос один из герцогов, – На земле кто-то должен жить! А кто живёт на болоте?

– Не годится! – подтвердил король, – Как ты себе это представляешь: в мужьях у моей дочери – и какой-то «Герцог Болотный»!

– Тогда так, – нашёлся Зоар, – отпишите мне море. И те рыбаки, что заночуют на море, будут считаться моими людьми, а те что на суше – чьими-то ещё. И мужем вашей дочери будет Герцог Морской и Топких Мест. Звучит неплохо, согласитесь!

– Ну что же, Зоар Морской, – кивнул король, – возьми-ка этот плащ и отнеси своей супруге, а то совсем заморозишь крошку.

И тут одна из дам решила спросить, когда уже начнётся та солёная история, что была

обещана, как вдруг в залу вбежал тот же самый поварёнок и запищал:

– Мастер Сорци, кабанчика пора снимать с вертела!

– Ну так и сняли бы! – отозвался повар Сорци, недовольный, что его прерывают, и кто!

– Мы снимали, но он соскользнул в жир, и жар на нём загорелся! То есть я хотел сказать в жар и жир! И мы хотели потушить его хересом, и херес загорелся тоже!

– Комариная елда! – сказал Сорци, и прибавил: – Запечная богородица! – и убежал на кухню.

А та дама, которой не хватило солёных слов, не стала ни о чём больше спрашивать.

Вот что случилось вечером того дня, что не идёт в зачёт, а если непременно желаете узнать, чем отличился день первый, то переверните страницу, а там уж мы ничего не утаим.